

*Посвящается Кэти Иган
Мне тебя очень не хватает.*

Пролог

Тереза смотрела на своего лучшего друга и пыталась представить, каково будет его забыть.

Впрочем, она десятки раз видела, как влияет на людей Стерка. Русые волосы Томаса, задумчивое выражение лица, пронзительный взгляд — неужели все это станет чужим, незнакомым? Неужели они с Томасом больше не обменяются шутливыми замечаниями о странных запахах, не рассмеются при виде неловкого увальня, не побеседуют телепатически...

Нет, не может быть!

Однако до этого оставались всего сутки.

Для нее. А для Томаса это случится через несколько минут. Он лежал на операционном столе: глаза закрыты, грудь мерно вздымается, дыхание ровное. Томас, в стандартной для Глэйда одежде — шортах и футболке, — выглядел как обычный мальчишка, решивший вздремнуть после обычного дня в обычной школе, задолго до того, как вспышки на солнце и болезнь лишили мир обыкновенности, принесли смерть и разруху, в те времена, когда детей — и их воспоминания — не похищали и не отправляли в жуткий Лабиринт, когда человеческий мозг еще не стал

зоной поражения и не требовал постоянного внимания и изучения на благо науки и медицины.

Врач и медсестра, готовя Томаса к операции, опустили ему на лицо маску. Приборы защелкали, зашипели и запищали, трубчатые металлические и пластмассовые проводки скользнули по коже и впились в ушные каналы. Пальцы Томаса рефлекторно вздрогнули. Несмотря на обезболивающие средства, боль он все-таки ощущал, хотя и не помнил о ней. Аппарат заработал, выхватывая образы из памяти Томаса, стирая воспоминания о родителях, о прежней жизни... О Терезе.

Часть ее сознания настаивала, что надо злиться, кричать в голос, вопить изо всех сил, отказать сотрудничать, но над этим робким желанием легко возобладали твердая уверенность, которая навсегда останется с Терезой, даже после завтрашной процедуры. Они с Томасом доказывали свою убежденность, добровольно идя на то, чему должны были подвергнуть других. И не важно, выживут они или погибнут. ПОРОК найдет лекарство от вируса, миллионы обитателей планеты будут спасены, и жизнь когда-нибудь вернется в нормальное русло — в этом у Терезы не было ни малейших сомнений, как и в том, что все люди стареют и умирают, а осенью с деревьев опадает листва.

Томас прерывисто втянул в себя воздух, негромко застонал, чуть шевельнулся. На мгновение показалось, что сейчас он очнется, дрожа от ужаса, — в его голове какие-то устройства делали

невесть что. Однако Томас успокоился, ровное дыхание возобновилось, аппараты продолжали шелкать и шипеть, стирая воспоминания лучшего друга Терезы.

Томас с ней попрощался, и его последние слова — «До завтра» — не шли у нее из головы. То, на что он согласился, казалось нереальным, неестественным. Да, завтра они снова увидятся, но Тереза будет в коме, а Томас даже не догадается, кто она, разве что где-то в глубинах памяти шевельнется смутная тень узнавания. Завтра... Страх, изматывающая подготовка, разработка планов действий — все это закончилось. Томасу и Терезе предстоит на себе испытать то, что сделали с Алби, Ньютом, Минхо и остальными. Пути назад нет.

Тереза ощущала странное умиротворение. Ужас перед гриверами и шизами исчез, сменился всеобъемлющим спокойствием. У ПОРОКа не было выхода. У Томаса и Терезы не было выхода. Как можно отказаться принести себя в жертву ради спасения человечества? Нет времени ни на сожаления, ни на раскаяние. Тереза смирилась с неизбежностью: что будет, то будет.

Они с Томасом участвовали в создании Лабиринта, и Тереза приложила много усилий, чтобы обуздать свои чувства, отгородиться от них прочной стеной.

Нестройные, обрывочные мысли померкли, словно застывая и растворяясь. Процедура подходила к концу. Врач нажал какие-то кнопки

на пульте, аппараты защелкали и зашипели быстрее. Тело Томаса вздрогнуло. Трубки и провода зазмеились, втягиваясь в маску. Наступила гнетущая тишина. Медсестра склонилась над Томасом, сняла маску с его лица. На покрасневшей коже отпечатались четкие следы. Он не открывал глаз.

Тереза с трудом сдерживала разочарование и страх. Когда Томас очнется, он ее не вспомнит. Они встретятся в Глэйде и не узнают друг друга. Тереза из последних сил боролась с напором гнетущих чувств, что грозили прорваться сквозь зашлон и заполнить ее.

Пути назад не было.

Два охранника подняли с операционного стола бесчувственного Томаса, ухватив за руки и за ноги, словно соломенное чучело, переложили на каталку и, не обращая внимания на Терезу, направились к двери. Все знали, куда его увозят. Врач и медсестра завершили работу и деловито раскладывали инструменты по местам. Тереза кивнула им на прощание и вышла следом за охранниками.

Каталку повезли по бесконечным коридорам штаба ПОРОКа. Тереза смотрела на бледное, покрытое испариной лицо Томаса, и ее сердце обливалось кровью. Казалось, где-то в глубинах своего сознания он пытался превозмочь действие лекарственных препаратов, догадываясь о ждущих его ужасах. Терезе стало страшно: ей самой предстоит через это пройти. Зачем она отгоражи-

валась от чувств? Как только у нее отберут воспоминания, возведенная ею стена рассыплется в прах.

Наконец они добрались до подвального этажа под Лабиринтом и прошли через складское помещение, где на стеллажах громоздились припасы для глэйдеров. В прохладной темноте подвала Тереза поежилась, потеряла покрытые мурашками руки. Каталка подпрыгивала на неровном цементном полу, Томас вздрагивал во сне, по его лицу пробегала гримаса отчаяния.

На дне лифтового колодца покоился огромный металлический куб.

Ящик.

Глэйд располагался всего двумя этажами выше, но глэйдерам внушали, что путь сюда очень труден. Это вызывало в мозгу всевозможные чувства, паттерны всяческих эмоций и реакций — от смятения и замешательства до откровенного ужаса, — что давало возможность врачам приступить к определению участка поражения. Такой же путь завтра предстояло проделать и Терезе. Она придет в себя, сжимая в руке исписанный листок. Впрочем, жуткие полчаса в темноте она проведет в коме, а Томас очнется в Ящике в полном одиночестве.

Охранники установили каталку рядом с Ящиком, со скрежетом подволокли к нему высокую металлическую лестницу и неловко взобрались на ступени, подхватив Томаса под мышки. Тереза не вызвалась помогать, упрямо наблюдала

со стороны, по-прежнему стараясь побороть всплеск отчаяния.

Кряхтя и переругиваясь, охранники втащили Томаса на вершину Ящика. Тереза поглядела на спокойное лицо с закрытыми глазами и мысленно обратилась к другу, хотя и знала, что он не услышит: *Мы поступаем правильно, Томас. До встречи на той стороне!*

Охранники с усилием опустили Томаса в Ящик, и бесчувственное тело гулко стукнулось о металлический пол.

Тереза повернулась и пошла прочь. За спиной раздался скрежет металла по металлу, грохот закрывающейся двери. Томас остался наедине со своей участью.

Тринадцать лет назад

Глава 1

Марк проснулся, дрожа от холода, — странное, забытое ощущение.

Бледный свет зари сочился сквозь щели в бревенчатых стенах хижины. Марк нащупал одеяло из лосиной шкуры — два месяца назад он в одиночку убил гигантского лося и очень этим гордился. В мире вечной жары одеяло служило для красоты, а не для тепла. Впрочем, в последнее время жара начала спадать, утренний холодок пробирался в те же щели, что и свет. Марк подтянул одеяло до самого подбородка и перевернулся на спину, зевая во весь рот.

У противоположной стены хижины — всего в двух шагах — мирно спал Алек, громко всхрапывая. Бывший солдат обладал угрюмым характером и редко улыбался, разве что тогда, когда в животе у него громко урчало. А вот сердце у Алека было золотое. Грубая натура старого вояки никого не пугала и не отталкивала, ведь они уже целый год провели бок о бок, вместе с Ланой, Триной и остальными. Марк схватил ботинок и запустил им в спящего.

Солдатская выучка не подвела, и Алек с громовым ревом вскочил с постели.

— Что за черт! — прорычал он, но Марк ловко швырнул в него второй ботинок. — Ах ты, крысячья печень! — беззлобно буркнул Алек, глядя на Марка прищуренными глазами, в которых таилась смешливая искорка. — А если б я тебя ненароком пристукнул? Чего пристал, говори?

Марк с притворной задумчивостью потер подбородок, затем прищелкнул пальцами.

— Ну, надо ж было тебя как-то заткнуть, а то расхрапелся, аж ушам больно. На боку спать не пробовал? И вообще, как бы ты здоровье не подорвал. Того и гляди, подавишься во сне.

Алек хмыкнул и сердито забормотал что-то себе под нос. До Марка долетали обрывки фраз: «да чтобы я еще раз...», «оно мне надо...», «целый год мучился...».

— Эй, сержант! — окликнул Марк, прекрасно понимая, что испытывает терпение старого воюки. Алек терпеть не мог, когда его называли сержантом. Он давно вышел в отставку и ко времени солнечных вспышек работал по контракту в оборонном ведомстве. — Сам знаешь, тебе без нас не уцелеть. Ладно, не злись, давай забудем, а?

Алек натянул рубаху и насупился. Мохнатые брови гусеницами сошлись над переносицей.

— Эх, пользуешься ты моей добротой! — пробурчал он, незлобиво отвесил Марку подзатыльник и, громко топая, вышел из хижины.

Несмотря на недовольство Алека, все по-прежнему считали его солдатом и защитником — так было надежнее. Марк посмотрел ему вслед

и неожиданно улыбнулся. Целый год они скитались среди развалин, чудом избежали смерти, пока не добрались сюда, в этот приют высоко в Аппалачских горах, на западе Северной Каролины. От улыбок все отвыкли, но Марк твердо решил, что сегодня не будет думать о трудностях.

Сначала надо было найти Трину. Марк торопливо оделся и отправился на поиски.

* * *

Трина сидела у ручья, в своем излюбленном тихом уголке, куда обычно уходила почитать — книги друзья подобрали в заброшенной библиотеке, на которую натолкнулись в скитаниях. Читать Трина любила больше всего и теперь наверстывала упущенное за долгие месяцы, проведенные без книг. Электронных книг, понятно, не сохранилось — солнечные вспышки уничтожили все цифровые средства коммуникации, компьютеры и серверы, так что читала Трина старенькие бумажные томики.

Решимость не думать о трудностях исчезала с каждым шагом по узким тропкам поселка. Марк уныло разглядывал жалкие бревенчатые лачуги, покосившиеся шалаши и полуобвалившиеся землянки — по нынешним временам это убожество сходило за роскошь — и вспоминал шумные улицы большого города, беззаботную, счастливую жизнь, когда всего было в достатке, только руку протяни. Тогда он об этом и не подзревал.

Измощенные, чумазные обитатели поселения больше всего напоминали орду живых мертвецов. Жалости к ним Марк не испытывал, зная, что сам выглядит ничуть не лучше. Еды хватало — что выкапывали из-под развалин, что добывали на охоте, иногда даже из Эшвилла что привозили, — но порции строго нормировали, и желудки у всех подводило. А живя в лесу, сколько ни купайся, все равно в грязи вывоозишься.

В голубом небе висело оранжевое марево — вечное напоминание о безжалостных солнечных вспышках, что внезапно обрушились на планету год назад. Кто знает, вернется ли жизнь в нормальное русло... Утренняя прохлада, разбудившая Марка, уже исчезла; безжалостное солнце струило раскаленные лучи на горное редколесье.

Впрочем, все было не так уж и плохо. Чем дальше Марк уходил в чащу, тем заметнее становились приметы возрождения: повсюду пробивались новые ростки, на обожженных жаром деревьях зеленели молодые побеги, по обугленной хвое, ковром устилавшей землю, сновали юркие белки, а под опаленным кустом ярко желтел одинокий цветок. Марк решил было его сорвать для Трины, но передумал: она наверняка сочтет это преступлением, еще и отругает. Что ж, может, день и сложится. В конце концов, они пережили самую страшную катастрофу в истории человечества, теперь все должно измениться к лучшему.

Наконец он добрался до места, где уединилась Трина, перевел дух — крутой подъем в гору да-

вался нелегко — и осторожно выглянул из-за толстого ствола. Трина, конечно, услышала шаги, но виду не подавала. Она сидела под огромным гранитным валуном, уткнувшись в толстенный том. Черная футболка, рваные джинсы, старенькие кроссовки; ярко-зеленые глаза сосредоточенно скользят по строчкам, ветер ерошит короткие светлые волосы... «Какая же она красивая!» — подумал Марк. От нее исходило ощущение комфорта и покоя, словно она обитала в мире до катастрофы, а не на выжженной планете.

Марку всегда казалось, что Трина выбрала его в силу простого стечения обстоятельств: все ее родные и близкие погибли, и ей оставался либо он, либо вечное одиночество. Он и не думал возражать и считал, что ему необычайно повезло — он не представлял, как бы жил без нее.

— Ходят тут всякие подозрительные типы, за деревьями прячутся, почитать спокойно не дают, — рассеянно произнесла Трина, не отрывая глаз от книги.

— Это я, — сказал Марк, выходя из-за дерева. В ее присутствии он сам себе казался полным идиотом.

Трина рассмеялась и посмотрела на него.

— Ну наконец-то! Я тут с самого рассвета читаю, а поговорить-то и не с кем.

Он подошел и сел рядом с ней. Первое объятие было крепким и долгим.

Марк отстранился и посмотрел на Трину, не в силах сдержать дурацкой улыбки.